

ТРАДИЦИИ НОМАДИЗМА КАК КАПИТАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ: ОПЫТ АНТРОПОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Э.А. ПАИН,

доктор политических наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва, e-mail: painea@mail.ru

Статья посвящена малоизученной проблеме использования традиций в сфере управления модернизационными процессами. Приводятся примеры опоры на традиции номадизма (кочевничества) в практике управления Казахстаном, в частности, при заселении новой столицы Астаны. Автор рассматривает границы использования в социально-экономической жизни Казахстана иностранных заимствований, включая и, казалось бы, близкие этой республике традиции стран Востока. Вместе с тем и модернизационный потенциал традиций ограничен: он работает только на старте модернизации.

Ключевые слова: модернизация; традиции; номадизм; капитал; Казахстан.

TRADITIONS OF NOMADISM AS THE CAPITAL FOR MODERNIZATION: ANTHROPOLOGICAL AND ECONOMIC RESEARCH (CONSIDERING EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN)

E.A. PAIN,

Doctor of Politics (DSc), Professor of the Department of State and Municipal Management of the National Research University Higher School of Economics, General Manager of the Center for Ethnopolitical and Regional Studies, Leading staff scientist of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: painea@mail.ru

The article is devoted to the little-known issue of using traditions in the modernization processes management. Examples of reliance on nomadism tradition in Kazakhstan management practices are given, in particular, used during moving of the new capital to Astana. The author examines the boundaries of foreign adoption using in the socio-economic life of Kazakhstan, including seemingly close to the republic Eastern countries traditions. However, modernization potential of traditions is limited as well: it only works at the start of modernization.

Keywords: modernization; traditions; nomadism; capital; Kazakhstan.

JEL classification: N30, N35, O15, Z10.

В само понятие модернизации как исторического процесса включают, как правило, переход от общества, основанного на традициях, к иному типу общества, базирующемуся на инновациях¹. Следовательно, вытеснение традиций, особенно так называемых «архаических», к которым бесспорно относят традиции номадизма (кочевничества), является как бы одной из целей модернизации, а преодоление традиций – показателем успеха проекта модернизации той или иной страны. В данной же статье мы попытаемся показать (на примере Казахстана) правомерность противоположного тезиса: **не вытеснение, а опора на традиции номадизма может быть при определенных обстоятельствах практическим ресурсом и потенциалом модернизации в различных сферах социально-экономического развития.** Мы назвали потенциал традиций «капиталом», используя расширительное толкование этого термина, уже ставшего привычным после работ Пьера Бурдьё, Джеймса Коулмена, Роберта Патнема и других отцов-основателей концептов «социальный капитал» и «культурный капитал» (*Bourdieu, 1977. Pp. 171–183; Putnam, 1995. P. 666*). Нас интересует прежде всего так называемый «социальный капитал» как способность общества распоряжаться ресурсами и потенциалом включения индивида в социальные группы (сети), накопленные социальные связи, структуры доверия и консолидации. Данная статья может быть отнесена к области **экономической антропологии** (*Economic anthropology*) – научной дисциплины, возникшей в начале XX в. на пересечении предметов антропологии, социологии и экономики. Первоначально в рамках этого направления изучались проблемы развития хозяйства первобытных или, как тогда говорили, «примитивных» обществ. Ныне же под ней понимают исследование социально-экономических отношений любого типа, но с точки зрения влияния на них исторически устойчивых культурных традиций (*LeClair, Schneider, 1968*). Статья опирается на интервью и социологические опросы, проведенные мной и моими студентами из университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) в 2010 г. в Москве и ряде городов Казахстана.

1. Социально-культурная специфика Казахстана – чужие модели неприменимы

Всякая страна уникальна в каких-то своих чертах, но уровень специфичности того или иного национального сообщества может быть неодинаковым с точки зрения возможности заимствований инноваций в сферах модернизации. Социально-культурные условия Казахстана в большей мере, чем условия многих других стран, ограничивают возможность прямого, механического заимствования импортных моделей модернизации. Значительное своеобразие Казахстана сформировалось в силу соединения и пересечения множества факторов, находящихся в сложной, в чем-то противоречивой, зависимости.

- *Восточная традиция* обуславливает сравнительно высокую склонность казахстанского социума к консолидации вокруг патриарха, лидера нации. На такой основе осуществлялись многие восточные модернизации: от реформ Ататюрка до бросков «азиатских тигров». Вместе с тем в Казахстане влияние восточных традиций ограничено.
- *Западная культурная традиция*, сложившаяся не только под воздействием более чем двухвековой включенности Казахстана в состав Российской империи и СССР, но и под многовекторным влиянием современного Запада, обусловила такой уровень индивидуализма элитарного и массового сознания, который существенно превышает индивидуализм турецкого общества времен Ататюрка и даже современных обществ юго-восточной Азии. Вестернизированность Казахстана исключает возможность обеспечения полноценного восточного уровня лояльности политическому лидеру-патриарху (как в сингапурско-китайской модели) или религиозным лидерам, как в арабском мире и Иране. Вместе с тем, вестернизированность казахстанского общества недостаточна для движения Казахстана по западному пути модернизации, ограничивающему влияние государственного протекционизма.

История номадизма (кочевничества) казахов, хоть и завершилась формально еще в середине XX в. (*Турсунбаев, 1973. С. 226*), но номадическая культура проявляется и сегодня, в большей роли кровно-родственных связей в сравнении с территориальными отношениями. Кочевники больше ценили не территорию, а кровнородственные связи, которые позволяли воспроизводить их традиционный уклад жизни на новых землях, осваиваемых в процессе кочевания. И сегодня, как мы еще покажем, эти связи позволяют с успехом осваивать новые места расселения в урбанизированной среде. Способность казахов перевозить, переносить свои кровнородственные отношения в новые территориальные условия существенно отличает эту этническую общность от исторически оседлых земледельческих сообществ Азии, для которых именно территориальные, земляческие связи

¹ См., например: (*Федотова, 2012. С. 139*).

играют наибольшую роль. Иногда успешные азиатские модели модернизации, например, «китайскую», необоснованно приписывают Казахстану в качестве модели для подражания Казахстана, но это ошибочные аналогии, по многим причинам. Например, если в Китае и в других странах с крупными китайскими диаспорами семейный бизнес образует сети, опоясывающие всю страну, то в Казахстане семейный бизнес территориально фрагментирован. В Китае основным механизмом формирования сетей семейного бизнеса служат брачные унии, в том числе между родственными семьями. В Казахстане такой механизм невозможен из-за жестких запретов на браки внутри родов.

Номадические традиции обусловили и меньшее влияние ислама на жизнь казахов, большую эмансипацию женщин, молодежи, да и любого индивида, чем это принято у сельскохозяйственных народов, исторически связанных с исламом. В Казахстане невозможно такое использование ислама в качестве инструмента политической мобилизации и социальной организации населения, какое наблюдается, например, в Иране, Саудовской Аравии или Арабских Эмиратах.

Советская, коммунистическая традиция до сих пор оказывает заметное влияние на формирование социального капитала Казахстана. Эта традиция, с одной стороны, поддерживает правовой нигилизм в обществе, слабую роль всех формальных норм, а с другой – она же отчасти подорвала и традиционные структуры доверия. Кросс-культурные исследования показывают, что уровень горизонтального доверия во всех постсоветских странах самый низкий в сравнении с соседними народами евразийского континента. Известный социолог Уильям Кларк отмечал, что «коммунистический режим породил сильное недоверие не только к государственным институтам, но и в обществе в целом... Этот режим поднял «взяточничество, манию секретности и эгоизм до уровня официально признанной нормы» (Wu, 1994. P. 52). Советское понятие «блат», родившееся в годы тотального дефицита, означает неафишируемые связи, используемые для получения дефицитных благ, тогда как традиционные связи открыты, их не прячут, ими гордятся.

Казахстан менее однороден в социально-культурном отношении по сравнению не только с обществами «азиатских тигров», но и с подавляющим большинством своих соседей в Средней Азии. Это единственная страна СНГ, в которой представители так называемых «нетитульных» этнических сообществ составляют более 40% населения. Пока эта гетерогенность не создавала серьезных проблем политической стабильности, поскольку блокировалась эффективной национальной политикой, но угрозы дестабилизации существуют. Они создаются:

- *этнической неоднородностью*, обостряющей проблему формирования единой политической нации казахстанцев в силу неизбежного роста этнического самосознания казахской элиты, а также определенных лагун в национальной политике, по отношению к русскому населению и, еще в большей мере, по отношению к небольшим этническим обществам, замкнутым и наименее склонным к интеграции группам (уйгурам, северокавказским народам, курдам и др.);
- *региональной неоднородностью*, усиленной разреженностью расселения на значительной части территории страны. Регионы в социально-культурном отношении различаются не только спецификой занятости, социальной структуры и этническим составом населения, но сохраняющимся своеобразием культурных черт казахов. Если традиционные характеристики казахских жузов (в прошлом – племенных союзов) сегодня скорее отражает историческую память, закреплённую в стереотипах сознания (старший – жуз «богачей»; средний – жуз «мудрецов» и младший – «воинов»), то различия между так называемыми «северными казахами» (их еще называют «русскими казахами») и «южанами» заметны невооруженным глазом. Южане более традиционализированы, у них иные социальные связи и профессиональные ориентации, чем у жителей севера, точнее, северо-восточных и северо-западных регионов Казахстана. Как сказал один из опрошенных нами экспертов (государственный служащий) в г. Шимкенте (ранее, до 1992 года – г. Чимкент): «Алмаатинцы – это наши европейцы, можно сказать. Это совсем другой менталитет. Мы, шимкентцы, южане – Техас. Вот как в Америке, там сидят богатые, но не особо образованные люди. Зато мобильные и предприимчивые»;
- *конфессиональной неоднородностью* при росте влияния конфессионального фактора. Очаговый исламский фундаментализм развивается в южных районах страны. Он пока слаб, но подогревается из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана как основа консолидации радикальной оппозиции в условиях межэлитарной борьбы за возможное наследие лидера казахской нации.

Соотношение различных региональных и этнических традиций и тенденций во многом определяет и еще долго будет определять особенности модернизации Казахстана.

2. Сферы современного проявления традиционных социальных сетей. Чудо Астаны

Устойчивость традиционных кровнородственных связей до сих пор является загадкой для исследователей, и тем более – для непрофессиональных наблюдателей. Последние, даже если это жители республики, но не казахи, зачастую преувеличивают сохранность и влияние некоторых традиционных структур, например жузов. Казахи же, по разным причинам, в том числе и из опасения прослыть «отсталыми», склонны преуменьшать их влияние. Вместе с тем, трудно отыскать такого казаха, который не помнил бы, к какому роду, племени и, наконец, жузу принадлежит его семья. Одна из опрошенных нами представительниц казахской диаспоры в Москве рассказала, что ее отец, известный московский профессор, интегрированный в русскую культурную среду, не стремившийся дать детям казахское образование или хотя бы научить их казахскому языку, в то же время настойчиво прививал своим сыновьям знание своей родословной до седьмого колена включительно. Такое знание является основной нитью, связывающей казахов со своим этносом. Это естественно для представителей номадической культуры, в которой идентификация человека с родом, племенем и жузом (некогда союзом племен – ордой), является более информативной, чем связь с территорией.

Жузы. Когда-то знание семи колен своего рода было неотъемлемым атрибутом в организации кочевой жизни еще и потому, что оно препятствовало близкородственным бракам и нарушению эндогамных запретов внутри родов. В советское время кровнородственные отношения стали важнейшей формой адаптации к новым условиям жизни и сохранились, несмотря на советские программы борьбы с «родоплеменными пережитками» и форсированное насильственное приведение кочевников к оседлому образу жизни. Именно в ходе коллективизации проявилась защитная функция всей системы кровнородственных отношений, которые не позволили развиваться классовой ксенофобии в казахской среде («бедняки против кулаков») в той мере и таких формах, какие были в России. Это сохранило тысячи жизней. В условиях советского дефицита родовые связи стали удобной формой доступа к различным благам, прежде всего в силу их пластичности и закрытости от государства. Разумеется, эти же особенности в нынешних условиях становятся удобным инструментом для каналов коррупции, но все же общий позитивный потенциал традиционных социальных отношений превалирует над негативным.

Родовые сети сжимаются, и сегодня некогда высший их уровень – жуз – не играет какой-либо практической роли в жизни казахов. У жуза нет не только органов самоуправления, но и общих ритуальных действий, на которых актуализируются связи. Как отмечали наши собеседники в Москве, просить о каком-то одолжении человека только потому, что он с тобой из одного жуза, как правило, бессмысленно. Взаимопомощь в форме протекции чаще всего заканчивается на уровне рода или нескольких родов одного племени. Если в каком-то региональном учреждении оказывается высокая концентрация представителей одного жуза, то это всего лишь следствие, что здесь сконцентрировались протеже родов, входящих в один и тот же жуз. Если то же самое заметно в аппарате некоего министерства, это значит, что патрон подбирает себе кадры из числа земляков, и уже следствием этого оказывается их принадлежность к одному жузу.

Род, даже большой по численности, – все же более компактная общность, чем жуз. Члены рода знают друг друга если не лично, то через каких-то близких родственников. Они могут пересекаться друг с другом на каких-то торжествах или в скорбных случаях, в семьях, входящих в один род. Разумеется, всему роду известны наиболее прославленные и влиятельные его представители.

Большая семья. Вместе с тем, при всей значимости родов, основные проявления системы взаимопомощи казахов ныне *сконцентрированы на уровне* больших *патриархальных семей*. В Шимкентской области это, как правило, трехпоколенная многолинейная семья, включающая не только потомков одного патриарха (деда, прадеда), но и потомков его братьев. Такие семьи могут насчитывать более 50 человек. В Алма-Ате формально преобладают малые нуклеарные семьи (родители с детьми), как владельцы или арендаторы малогабаритных городских квартир. Однако и здесь как в самосознании, так и в фактических социально-хозяйственных связях проявляется все та же патриархальная семья. Возможно лишь, что, в сравнении с Шимкентом, эти семьи несколько меньшие по численности и по разветвленности степеней родства. В любом случае члены патриархальной семьи, помимо участия в многочисленных общесемейных церемониях (как по радостным, так и печальным событиям), обеспечивают совместный уход за родителями и старшими членами

семьи, хотя и распределенный по функциям между старшими и младшими братьями (родители, как правило, остаются на попечении семьи младшего из братьев, реже живут с семьями других своих детей). Остальные дети оказывают помощь родителям по мере необходимости, исходя из своих возможностей. Важнейшей функцией семьи сегодня является профессиональная ориентация молодежи и помощь в получении образования, ценность которого становится все более высокой. Если один из членов семьи получает образование и хорошо устраивается в городе, он помогает в переезде других, более молодых членов семьи. Впоследствии к ним могут переехать и родители.

Возможна ли в Казахстане конвертация социальных традиций в капитал модернизации, учитывая, что сфера их современного проявления ограничена бытом? Лишь в скрытой и нелегитимной форме они проявляются в сфере управления (точнее, в сфере бюрократизации). Менее всего традиции проявляются в сфере производства. *Тем не менее социальные традиции и связанные с ними культурные нормы способны эффективно функционировать на начальном этапе индустриальной модернизации. Назовем лишь некоторые свойства традиций номадизма, которые и сегодня могут быть использованы в социально-экономическом развитии Казахстана.*

Мобильность и адаптивность. Воспроизводство большой семьи в новых городских условиях создает человеку возможность ощущения психологического комфорта и выступает важнейшим условием быстрой и эффективной его адаптации к новой среде. Это значительно смягчает неизбежные психологические травмы, возникающие на ранних этапах урбанизации как компоненты модернизации. Уникальные способности адаптации к новым территориальным условиям *всегда отличали номадические культуры от культур традиционно оседлых народов.* Способность казахов перемещаться вместе со своим родом обусловлена их высокой адаптивностью, проявляющейся также в ряде психологических качеств (коммуникабельность, открытость и восприимчивость к новым элементам образа жизни). Все это – **несомненное конкурентное преимущество казахского социума и Казахстана в целом.** Эти социокультурные свойства во многом объясняют чудо реализации проекта переноса столицы Казахстана из Алма-Аты в Астану.

Решение об этом было принято в 1994 г., но только сегодня становится понятным смысл, а главное, эффективность принятых тогда решений. Формальные же цели, изложенные в постановлении Верховного Совета республики, могли вызвать только недоумение (*Сайт Президента... , 1994*). Например, в нем говорилось о необходимости более полного использования «значительного промышленного потенциала Астаны». Между тем этот город, экс-Целиноград, тогда по своему промышленному потенциалу находился ближе к концу списка (на десятом месте) среди пятнадцати казахстанских региональных центров. Город практически не рос демографически, что было просто удивительно для областного центра. Город, который тогда назывался Акмола, за 1992–1994 гг. покинули 56 тыс. чел.; в основном это были квалифицированные специалисты и рабочие, переехавшие на постоянное место жительства в Россию и Германию (*Шестаков, не датировано*). И в такой город, из которого уезжали тогда больше, чем приезжали, планировалось перевести казахстанскую политическую элиту. Это было непонятно и встретило тогда сильнейший отпор со стороны казахской оппозиции, как националистической, так и либеральной. И те и другие утверждали, что казахский хан – авторитарный властитель, который подменяет решение социальных проблем утопическими проектами. Но не мог же Назарбаев тогда провозгласить истинные цели этого проекта и, прежде всего, предотвращение раскола страны на казахскую и русскую части, каждая из которых тогда составляла примерно половину населения, расселенного в своей зоне: казахи на юге и в центре, а русские – на севере Казахстана. Ныне, когда мы видим реальный раскол на Украине, в немалой степени опирающийся на специфику расселения русских и украинцев, можно оценить стратегическое мышление и прогностические способности Н. Назарбаева начала 1990-х годов. Но и сегодня невозможно даже представить себе, что, в целях укрепления единства Украины, ее власти перенесут столицу из Киева в Донецк. Между тем Назарбаев перенес столицу Казахстана в тогдашнюю Акмолу, где к 1990 г. русские были большинством, составляя 54,2% населения, а русский язык использовали в повседневной речи все жители города (*Забирова, 2009*). Не мог Назарбаев тогда (да и сейчас не сможет) признаться, что перенос столицы имел целью не допустить расширения российского политического влияния в северном регионе Казахстана, где преобладало русское и русскоязычное население. Он как будто предвидел процесс присоединения Крыма к России в марте 2014 г., мотивировавшийся защитой русского и русскоязычного населения и «правом наций на самоопределение». Этот процесс показал, насколько мудрым провидцем проявил себя казахстанский лидер.

Я солидарен с теми экспертами, которые полагают, что главной целью Нурсултана Назарбаева, решившего неожиданно для всех перенести столицу из благословенного и богатейшего города

Алма-Ата в заброшенный областной центр Акмолу, было стремление «стимулировать внутриказахстанские миграционные потоки с казахского юга республики на север, в регион с преобладанием русского населения, и тем самым постепенно ликвидировать географическое прикрепление и размежевание этнических групп населения. В идеале, по замыслу казахстанского руководства, в республике не должно было остаться преимущественно «русских» областей, которые могли стать потенциальными очагами сепаратизма. Но как раз эта идея казахстанского лидера признавалась полной утопией практически всеми экспертами. Они не могли допустить мысли, что казахи с юга Казахстана, жаркого даже по среднеазиатским меркам, начнут массово переезжать в русскую Акмолу, с практически сибирскими климатическими условиями, суровыми морозами зимой. Однако правитель оказался ближе к истине, чем его эксперты, и население этого города с 1999 (года появления первых новостроек) по 2009 гг. почти удвоилось (выросло с 326,9 тыс. чел. до 574,5 тыс.), главным образом за счет притока казахского населения, численность которого в городе почти утроилась за указанный период (Забирова, 2009). Казахи уже к 1999 г. составляли большинство (60,1%) его населения (Забирова, 2009). Оказалось, что достаточно было осуществить «великий переезд» и одновременно переселить из Алма-Аты 3,5 тыс. чиновников из старшего (южного) жуза, как к ним немедленно станут подтягиваться родственники, вначале близкие (члены большой семьи), а потом и дальние – представители того же рода, племени и жуза.

Уникальные не только для СНГ масштабы роста численности жителей города, ранее терявшего свое население, нельзя объяснить только экономическими факторами (объемом инвестиций в развитие города и материальными субсидиями переселенцам), но также административными мерами. Эти объективные факторы одинаково действовали на все группы социума, но лучше восприняты были именно казахами. У них же отмечен и наиболее высокий уровень приживаемости в Астане, несмотря на радикальные климатические перемены по сравнению с прежними привычными условиями проживания.

Ориентированность на образование и инновационность. Модернизация невозможна без повышения образованности общества. Казахская семья сегодня ориентирует молодежь воспринимать получение образование не только как условие карьерного роста, но и как символ достоинства семьи («что мы, хуже других, не можем дать детям образование?»). При этом семейно-родственные связи создают не только каналы, но и экономические возможности получения образования за счет совокупного экономического потенциала семейно-родственного сообщества. Не редки случаи, когда наиболее преуспевающие члены большой семьи оплачивают обучение не только родных детей, но и племянников. Семьи используют все возможности, в том числе и свою включенность в родовые сети, чтобы обеспечить вертикальную мобильность младшим членам семьи. Существенно, что не только родители и дяди, но и старший брат, а также двоюродные и троюродные братья несут и осознают свою ответственность перед младшими. Эта традиционная ответственность может выражаться во вполне современных вещах, таких как обучение в широком смысле слова (дисциплина труда и учебы, передача опыта правильного ведения бизнеса и поддержание нравственных норм в быту).

В современных условиях ни государство, ни частные благотворительные фонды, пока еще весьма слабые в постсоветском мире, не смогли бы обеспечить такого лифта для молодежи в сфере получения образования, какой дают семейно-родственные сети для жителей даже отдаленных аулов. При этом социологические опросы отражают высокую ориентацию молодежи на инновационность, творческую интересную работу (75% опрошенных) и большую, чем у московских сверстников (самых активных в России), готовность к риску в серьезных делах (72% казахстанцев против 68% москвичей). Как всегда, положительные стороны культуры соседствуют с проблемными. Так, большинство московской молодежи (59%) рассматривают образование как условие овладения специальностью, они хотят стать специалистами в своей области и не обязательно при этом руководить подчиненными. Большинство же казахстанской молодежи (61%) стремятся использовать образование, чтобы «работать на руководящей должности, руководить людьми». Понятно, что общество не сможет удовлетворить всех желающих занять руководящую должность, и подобные ценностные ориентации порождают множество проблем, как социальных, так и персональных. В то же время, общий уровень ориентаций на инновации и психологическая готовность казахстанского общества к модернизации высока. Это видно, например, по выбору стран-эталонов для подражания. Опрошенные нами казахстанцы, как в республике, так и в Москве, очень редко называли в качестве образца Китай (скорее, ощущается страх перед его возможной гегемонией), почти никогда – Россию (хотя уважение к ней большое), никогда – соседей по Центральной Азии; очень редко – Турцию

(хотя отношение к ней уважительное), редко – большинство стран Востока (а наиболее традиционализированные и исламизированные, такие как Иран или Пакистан, вызывают негативные эмоции). Основным примером выступали развитые западные страны, в частности, скандинавские, а еще больше – Япония; последняя с таким обоснованием: *«такая же развитая, как западные страны, но в большей мере сохраняет традиции»*.

Опора на традиционный социальный контроль и нравственное здоровье общества. Социальное регулирование в традиционных обществах опирается на механизмы социального контроля семейно-родовых или общинных групп, а в эпоху модерна – на правовое регулирование. Переход к эпохе модерна практически всегда сопровождается кризисом традиционного социального регулирования, однако пока в Казахстане уровень традиционного контроля еще силен. Семья определяет границы выбора молодежью брачных партнеров, профессии, места жительства и направлений карьерного роста. Высокая значимость для человека семьи и рода обуславливает действенность их социального контроля в форме моральных санкций. Опасения молодежи быть морально осужденными семьей и родственниками, в свою очередь, поддерживают приемлемый (во всяком случае, более высокий, чем в России) уровень общественной нравственности. Прочность семейных и родственных связей **остается в Казахстане высокой ценностью**, к которой можно апеллировать. С этим же связано почтение к старшим, уважение к женщине, которое проявляется во всех слоях общества и не оспаривается никем. Сохранность традиционного социального контроля обеспечивается устойчивостью определенных культурных ценностей. Социологические исследования указывают на преобладание у казахской молодежи так называемой «мужской культуры» (по терминологии Дж. Хофстеда). Точнее было бы назвать эту культуру «патриархальной», поскольку она предполагает не только доминирование мужчины в семье и обществе, но и патриархальные представления о распределении социальных ролей между мужчинами и женщинами в обществе, а также «верность традициям» как признак достоинства человека. Разумеется, такая культура в условиях перехода к модерну имеет и целый ряд недостатков, например, склонность к жестким, иногда деспотическим формам отношения к подчиненным, но она же обуславливает и устойчивость традиционного социального контроля. Такой контроль, в свою очередь, обеспечивает сохранение нравственного, а в какой-то мере и физического здоровья общества. То, что Казахстан, будучи одним из районов мирового наркотрафика, характеризуется существенно меньшими показателями наркомании среди населения, чем в России, в немалой мере обусловлено действием традиционного социального контроля. Пока ни одна правовая система не может конкурировать с традиционным социальным контролем по эффективности предотвращения массовой наркоманизации или алкоголизма.

3. 0 социальном капитале разных групп казахстанцев

Социально-культурный климат республики формируется не только культурными нормами этнического большинства, он опирается на потенциал и других этнических и социальных групп Казахстана.

Потенциал русской советской интеллигенции. Ее культурный капитал – советское культурное и профессиональное наследие. Оно медленно убывает. Значимость этого исчезающего элемента казахстанского общества состоит в том, что именно она – держатель той универсалистской нормы и той ценностной системы, от которой ведется нравственная и профессиональная оценка происходящих процессов. Эта группа и сегодня задает точку отсчета даже для тех, кто судит с «националистических» или «технократических» позиций, чуждых этой интеллигенции. Хотя и численность, и авторитет этой группы убывает, его эффективное использование представляет собой важную политическую, социальную и экономическую задачу предстоящего развития в условиях модернизации.

Русское казахстанское меньшинство в целом высоко интегрировано в жизнь республики. Оно в не меньшей степени, чем этническое большинство, ориентировано на поддержание политической стабильности, и даже больше, чем остальные группы, заинтересовано в развитии казахстанского социума как политической, а не этнической нации «казахстанцев». Русское население в наибольшей мере опасается того, что естественный рост этнического самосознания казахов может перерасти в национализм. В этом случае почти исчерпанный в условиях стабильности потенциал миграционного оттока из Астаны русского населения может существенно возрасти, нанося урон как экономике, так и политическому имиджу Казахстана.

Русское население является хранителем социально-культурных свойств, существенно дополняющих социально-культурные свойства казахов, а именно: в русской среде выше ориентация

молодежи на квалифицированный труд, не обязательно связанный с управлением. Эти качества могут быть высоко востребованы в ходе индустриального и, особенно, инновационного этапов модернизации. В то же время сигналы, поступающие от власти, о широких возможностях карьерного роста для русского населения в сфере управления не только на высших, но и средних этапах управленческой лестницы, были бы хорошо восприняты в русской среде. В этом отношении, в качестве «золотого запаса» Казахстана можно рассматривать русское население, освоившее казахский язык. Эта категория и ныне широко интегрирована в быт, бизнес, культуру и даже политику республики. Она демонстрирует казахстанский патриотизм, пользуется симпатией казахского населения. Билингвизм и патриотизм – их социальный и культурный капитал, который может быть полнее использован и как политико-символический ресурс.

Культурный потенциал малочисленных этнических групп. Традиционные культурные нормы узбекского населения республики в чем-то противоположны казахским традициям, но именно в силу этого могут рассматриваться как дополняющие потенциал этнического большинства. Скажем, контакт крестьян-узбеков с крестьянами-казахами исторически помогал последним осваивать эффективные приемы агрикультуры. Узбеки в своем большинстве менее территориально мобильны, чем представители номадических культур, они более привязаны к традиционным местам своего расселения, но одновременно и более усидчивы, в большей мере склонны к кропотливому труду. Спрос на такие навыки будет возрастать на этапе индустриальной модернизации, и этот культурный капитал должен быть освоен через систему подготовки и переподготовки кадров в южных районах с особым патронированием их государством, поскольку узбекское население в меньшей мере, чем казахское, может опереться на семейно-родственные механизмы профессиональной мобильности.

Прочие этнические общности Казахстана также обладают своеобразными культурными и трудовыми навыками, которые могут быть использованы при расширении сфер приложения труда в республике. Вместе с тем, по отношению к ряду групп и, прежде всего, к представителям народов Северного Кавказа, стоит задача повышения их интегрированности в казахстанское общество. Для этого требуется разработка особых социальных технологий повышения адаптации этих к групп к сложившимся и изменяющимся социальным условиям. Суть этих технологий состоит в преодолении барьеров адаптации указанных групп, возникающих вследствие того, что многие их представители видят препятствия интеграции в казахстанское общество только во внешних обстоятельствах, не осознавая необходимости и самим измениться, например, поменять некоторые сложившиеся в их среде стереотипы поведения и сознания.

Казахстанский интернациональный бизнес меньше, чем любые другие слои, демонстрирует узкоэтническую ориентацию, заинтересован в формировании гражданско-политической нации и готов участвовать в управлении страной на всех уровнях. Его социально-культурный капитал – это синтез новаций и традиций. Он ориентирован на вестернизированные образцы комфорта, на освоение западных идей и технологий, высоко ценит и во многих случаях демонстрирует профессиональные компетенции. Казахская его компонента включена в систему семейно-родственных связей, активно их использует, но подразделяется на две ветви: более традиционную и модернизированную. Последняя работает с западными партнерами, выступает за прозрачность бизнеса и его правовую упорядоченность. На предприятиях этой категории бизнес-сообщества практически не действуют традиционные схемы подбора кадров, материального вознаграждения и взаимоотношений менеджмента с подчиненными. Можно с уверенностью утверждать, что для крупного казахстанского бизнеса традиционные отношения, основанные на личных связях, сегодня не являются целевой нормой. Бизнес заинтересован в институциональных изменениях и, как в ряде стран Востока, например, в Турции, выступает основным социальным двигателем модернизации.

4. О синтезе традиций и новаций

Итак, социально-культурный потенциал современного Казахстана складывается из синтеза разных этнических культур, сочетания новых тенденций, возникших в процессе независимого национального развития государства, активно включенного в глобальные процессы модернизации и традиционных отношений. Роль последних нельзя недооценивать. *Традиционные социальные сети* на начальных этапах модернизационного процесса являются одним из основных институтов, способствующих эффективному объединению труда и капитала в рамках городских агломераций и всей национальной экономики; минимизации издержек на модернизационное развитие; быстрому

распространению моделей успешного социально-экономического модернизационного поведения.

Традиционные социальные сети:

- консолидируют ресурсы для образования и повышения квалификации трудоспособных членов общества, содействуют трудоустройству, осуществляют отбор и трансляцию лучших практик по трудоустройству;
- берут на себя заботу о стариках и детях, чем расширяют возможности для экономической активности трудоспособных;
- создают условия для формирования семейного бизнеса – одной из самых эффективных форм развития малого бизнеса в сфере бытовых и жилищно-коммунальных услуг, мелкой торговли и др.;
- оказывают широкую поддержку мигрантам по всем проблемам адаптации к городской среде, включая предоставление жилья и трансляцию лучших практик трудоустройства;
- сдерживают отток высококвалифицированного человеческого капитала за пределы национальной экономики;
- обеспечивают социальный контроль, как важнейший механизм сохранения нравственного и социального здоровья общества.

Традиционный социальный капитал не вечен, он неизбежно тает под влиянием так называемой органической модернизации. Кроме того, одни и те же традиции могут иметь разные последствия применительно к разным сферам жизни. Мы привели пример того, как традиции нomaдизма и, прежде всего, сохранение традиционных социальных сетей позволили осуществить почти фантастический проект переселения казахов из южных регионов в северные и быстро увеличить демографический потенциал новой столицы Казахстана. Вместе с тем, те же традиционные социальные сети оказывают и негативное влияние на общество. Более половины респондентов, опрошенных нами в Казахстане, заявили, что трудоустройство в республике невозможно без опоры на связи, но это в значительной мере нивелирует квалификационные качества работника, затрудняет отбор специалистов по квалификационному признаку, усложняет вертикальную мобильность работников, особенно для молодежи. Однако патриархальные связи все больше ослабевают под воздействием процессов эмансипации личности. К тому же традиционные институты зачастую вытесняются рыночными, если последние предлагают лучшие условия для восходящей вертикальной мобильности и человеческого комфорта.

Итак, на наш взгляд, традиционные отношения создают исторический плацдарм для последующих витков модернизации; этим плацдармом и этим историческим этапом **нужно успеть эффективно воспользоваться**. Мировой опыт показывает, что бездумная радикальная ломка традиционных устоев общества в результате сверхрадикальных реформ (политических и социально-экономических) приводит к модернизационным срывам. В таком случае новый модернизационный этап уже не может опираться на ресурс традиционных семейных ценностей и требует гигантских инвестиций во внесемейные национальные институты развития. Он нуждается в конструировании новых социальных связей буквально на пустом месте. Реформы в Казахстане, к счастью, не привели к ликвидации социально-культурного потенциала традиционных социальных сетей, на которые можно опереться **на начальном этапе модернизации**.

Настоящее антрополого-экономическое исследование может быть воспринято как подтверждение представлений о том, что модернизация куда более сложный процесс, чем это представлялось еще пару лет назад. Модернизация не только разнообразна по своим национально-культурным проявлениям, но и многослойна, она включает в себя разные исторические напластования человеческого опыта.

ЛИТЕРАТУРА

Забирова А.Т. (2009). Население Астаны // *Демоскоп Weekly*, № 389–390, 14–27 сентября. Доступно на: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit07.php>.

Сайт Президента Республики Казахстан (1994). «О переносе столицы Республики Казахстан». Постановление Верховного Совета Республики Казахстан № 106 от 6 июля 1994 г. // Доступно на: <http://www.akorda.kz/>.

Турсунбаев А. (1973). Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана // *Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана*. Л.: Наука.

Федотова В.Г. (2012). Модернизация и культура // *Знание. Понимание. Умение*, № 4.

Шестаков И. (Не датировано). Почему Назарбаев перенес столицу? // *EURASIA-Internet*. Доступно на: <http://neweurasia.info/archive/articles/AST.htm>.

- Bourdieu P.* (1977). *Outline of a theory of practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- LeClair E.E.Jr., Schneider H.K. (eds.)* (1968). *Economic anthropology: readings in theory and analysis*. New York: Holt, Rinehart & Co.
- Putnam R.* (1995). Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*, vol. XXVIII, № 4.
- Wyman M.* (1994). Russian Political Culture: Evidence from Public Opinion Surveys // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, no. 10.

REFERENCES

- Fedotova V.G.* (2012). Modernization and Culture. *Knowledge. Understanding. Skill*, no 4. (In Russian.)
- Official site of the President of the Republic of Kazakhstan* (1994). The resolution of the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan from July 6, 1994 of № 106 «About transfer of the capital of the Republic of Kazakhstan». Available at: <http://www.akorda.kz/>. (In Kazakh.)
- Shestakov I.* (Undated). Why did Nazarbayev move the capital? *EURASIA-Internet*. Available at: <http://neweurasia.info/archive/articles/AST.htm>. (In Russian.)
- Tursunbaev A.* (1973). Transition to a settled way of life of nomads and semi-nomads of Central Asia and Kazakhstan. *Essays on the history of economy of peoples of Central Asia and Kazakhstan*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)
- Zabirova A.T.* (2009). Astana's population. *Demoscope Weekly*, no. 389–390, September 14–27. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit07.php>. (In Russian.)
- Bourdieu P.* (1977). *Outline of a theory of practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- LeClair E.E.Jr. and Schneider H.K. (eds.)* (1968). *Economic anthropology: readings in theory and analysis*. New York: Holt, Rinehart & Co.
- Putnam R.* (1995). Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*, vol. XXVIII, № 4.
- Wyman M.* (1994). Russian Political Culture: Evidence from Public Opinion Surveys. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, no. 10.